

Повод для приезда певицы Галины Вишневской в СССР — счастливый. У нас вышла ее автобиография «Галина. История жизни». И недавно в Москве состоялась презентация этой книги.

Итак, повод для приезда счастливый. Грустен парадокс: воспоминания Галины Вишневской о нелегкой ее жизни на родине на родину «возвратились» в последнюю очередь, семь лет спустя после публикации в Америке, прочитанные уже всем светом. Этот парадокс, однако, как выяснилось, в жизни артистки не единственный. Есть по крайней мере еще один, тоже не самый радостный. О нем корреспондент «ЭС» узнал в номере гостиницы «Белград», где остановилась оперная звезда.

Галина ВИШНЕВСКАЯ:

«Я русская из России, где я иностранка»

— Ни в коем разе. Бесспорно, мы хорошо знали Францию по многочисленным гастрольным поездкам. И нас там знали хорошо. Но одно дело общаться со страной наездами и совсем другое — жить в ней. На Западе почти никто ни за кого не отвечает и никто никому не помогает. Ты сам должен принимать решение, сам нести ответственность за себя и за семью. Это главный закон выживаемости в здоровом обществе. Ты сам себе голова.

— А сложно на Западе пробиться на самый верх артистической карьеры? Так же сложно, как, например, в СССР?

— Сложно середнякам. Им, впрочем, во всем нормальном мире сложно пробиться. Везде приходится искать влиятельную поддержку. Но если ты талант — легко. И если ты сумел набрать нужную высоту, то сам черт тебе уже не страшен. Конкуренция есть. Но проходит она в нормальных человеческих условиях. В условиях разумного, естественного отбора. Вот вам пример. В оперном театре — премьера. Есть первый состав — это, конечно, звезды. И есть второй состав. Это начинающие артисты, считающие за большую честь выступать на одной сцене вслед за мастерами. И ни у кого не вызывает сомнения, что главную партию в премьеры должен исполнять первый тенор. А если он по каким-то причинам не может петь, то это делает молодой артист. И никакой лишней возни!

— А что сейчас интересного происходит в вашей личной жизни? У вас красивая светская жизнь, Галина Павловна?

— Да, вполне светская. Но, поверьте на слово, это утомительно. Я часто люблю одиночество. Люблю также путешествовать с мужем. Люблю обставлять свой дом. Антиквариат — моя слабость. Я собираю у себя дома Россию, такую, какой хотела бы ее видеть и какой она была когда-то.

Да, самое главное: я же примерная бабушка, обладающая тремя внуками. Старшему, Ивану, восемь лет. Среднему, Сергею, будет скоро пять. И есть еще прелестная десятилетняя Настя. Все это куда привлекательнее приемов.

— А сложно быть женой Мстислава Ростроповича? Жаль, я не могу спросить у него, легко ли быть женой Галины Вишневской.

— Я и так знаю, что он ответит: не очень сложно. А что, я вполне «приличный» семьянин. И он тоже.

— Ваше любимое качество в других людях? Попробую сама угадать с трех раз. Профессионализм. Решительность. Или, может быть, самоуверенность?

— Нет. Умение быть правдивым. Свойство это или качество, определяй-

те, как хотите. Во всяком случае я им никогда в жизни не поступалась, поэтому, наверное, считают, что у меня неуживчивый характер.

— А политической вы начинаете интересоваться, переступив границу СССР?

— Какая граница, что вы! Я в Париже смотрю первую программу вашего ЦТ. Это уже почти перешло в болезнь. Потом я выписываю все советские журналы и газеты. Вот послушайте, я перечислю: «Аргументы и факты», «Московские новости», «Книжное обозрение», «Огонек», «Новый мир», «Собеседник» и «Советская культура». К тому же все поступает ко мне в двух экземплярах. Один отправляется в Вашингтон. Другой — в Париж. Ростропович тоже все читает. Кстати сказать, мы не только читаем, что происходит в стране. Кое-чем многим пытаемся и помочь. Зимой, например, мы передали в фонд города Ленинграда оборудованный зубопротезный кабинет. И для меня самой этот дар очень ценен, потому что я пережила ленинградскую блокаду. Затем мы подарили городу несколько инвалидных кресел. А после этой чудовищной драмы в Армении Ростропович передал в фонд помощи около миллиона долларов, полученных им за благотворительные концерты.

— Веками повторяют вслед за Достоевским истину о том, что красота спасет мир. Галина Павловна, вы актриса. По вашему мнению, спасет ли мир искусство? Спасет ли оно Россию, страну?

— Нет, не спасет. Я не так самонадеянна, чтобы давать советы издавна о перестройке государственной советской системе, но в конце концов своими впечатлениями и мыслями по этому поводу я имею право поделиться. Так вот, по моему глубокому убеждению, нужно распушить как можно скорее все многочисленные партии страны, и всем начать работать.

— Скажите, а событиями во Франции вы так же живо интересуетесь? Какой, например, ваш любимый политический журнал в Париже?

— Помилуйте, мне некогда. Я занимаюсь одной только Россией. Я же из России. Я в сущности совершенно русская женщина.

— Как же так? Но вы сами в начале нашего разговора сказали, что в России вы — иностранка. Это ли не парадокс?

— Парадокс? Ну и что с того?!

Беседу вела
Натэла МЕСХИ.

Фото В. Вяткина.

— Галина Павловна, у вас есть квартира в Париже. Есть в Вашингтоне и есть здесь — в Москве. Скажите, в какой из них вы все-таки больше всего чувствуете себя иностранкой?

— Пожалуй, что в московской: слишком тяжелы, хоть и далеки уже воспоминания, и слишком они раздражают. А дом мой — он, наверное, в Париже. Там, где впервые в 47 лет у меня возникло ощущение стабильности бытия и появилось наконец-то на языке слово «мое». Справедливости ради скажу: величайшее из вселенских чувств — это чувство собственности.

— И вы остановились в отеле, как и подобает истинной иностранке, приехавшей в Россию из-за границы?

— Вовсе все не так красиво. Я предпочла гостиницу своему «русскому дому» потому только, что у последнего совершенно нежной вид.

— Сейчас у нас говорят, и говорят уже не шепотом и, к счастью, безнаказанно, о «русском зарубежье». Вы и Мстислав Леопольдович считаете себя его представителями?

— Не знаю. Скорее всего, мы с Мстиславом Ростроповичем просто эмигранты. Может быть, потому, что наша семья — первое поколение, уехавшее из России и пока еще не пустившее корни вглубь. И потом, мне кажется, что этот термин «русское зарубежье» — ваш, российский. А мы склонны называть себя эмигрантами. Почему, кстати, вы не задаете мне вопроса о ностальгии?

— Задам, если он покажется вам уместным.

— Я не хочу напрашиваться на монолог. Но у меня свое собственное представление о ностальгии. Почему русские люди страдают ею в эмиграции? Скорее всего, потому, что из России они всегда уезжают с чувством, что Родина оставлена навсегда. Вообще все, что происходит в СССР, все, что устанавливается, все, что утверждается, — всегда все на века! Новый ли строй, отъезд ли людей из страны — все на века. Из России уезжают, превращаясь в отрезанный ломоть. И это чувство невозвратимости мучит необычайно. Конечно, и я, и мой муж прошли через него.

Теперь открыто говорят о так называемом «русском зарубежье»? Это разговоры тоже своего рода ностальгия. Но уже не наша по России, а ваша по тем, кого из России выгнали. Видите, все возвращается на круги своя.

— Ваша литературная деятель-

ность — это все-таки следствие ностальгии или, может быть, желание привлечь к себе интерес с новой, неожиданной стороны?

— Скорее всего, это следствие не свободного владения иностранными языками. Знаю я их на том уровне, на каком люблю и могу общаться с людьми (я, конечно, никак не могу назвать настоящим языковым общением болтовню с приятельницами в магазинах), автобиографии моей могло бы и не быть вовсе. Выговорилась бы. И давно. Была невыразимо острая потребность так поступить.

В 1980 году я заключила контракт о написании книги с моим американским издателем, а в 1984-м автобиография уже вышла. Если бы не контракт, я бы ее и по сей день писала. И еще десять лет. Потому как писать для меня — это не петь. И последние полгода «творческий процесс» просто обернулся чудовищным мучением. Я сама не знаю, как закончила работать. Тем не менее книга существует.

— Вы оставили профессиональную сцену девять лет назад. За эти годы не возникало сомнений, что уход произошел раньше времени?

— Ни разу. Я ведь пою с шестнадцати лет. А природной актрисой чувствовала себя с раннего детства. Я много раз слышала за спиной недоумевающие вопросы: почему она ушла со сцены, находясь в столь блестящей форме, выглядя моложе многих молодых артисток? Но, знаете ли, лучше пусть недоумевают по поводу преждевременного ухода, чем намекают на то, что пора бы, наверное, уже и сойти со сцены. Слава Богу, я никогда не переживала унижения подобных укоров. Не говоря уже о том, что свою оперную карьеру я завершила партией юной Татьяны из «Евгения Онегина», которой когда-то начиналась моя карьера в Большом театре. Помоему, весьма достойное завершение!

У меня есть ученики. Не люблю привлекать себя к какому-то одному месту и потому предпочитаю иметь ежегодный мастер-класс в разных странах. К примеру, в Бельгии или в Америке, или в Австрии. Скажем, в Зальцбурге ежегодно проходит летний международный фестиваль, куда съезжаются молодые артисты со всего мира. И я даю там свой мастер-класс: это итальянская опера и русская опера.

— Вы с Мстиславом Леопольдовичем уехали за рубеж, будучи звездами. Значит ли это, что ваши нынешние соотечественники были уже по особому расположены к вам — эмигрантам? Облегчило ли это вашу жизнь на Западе?